

Полина Кондратенко

*Неизвестный художник,
наше время*

Саратов-Москва
Десятая Муза
2024

УДК 82.1
ББК 84(2Рос=Рус)
К 64

К 64 Неизвестный художник, наше время. —
Саратов-Москва: Издательство «Десятая Муза», 2024. — 64 с.

ISBN 978-5-00194-092-0

ISBN 978-5-00194-092-0

© Кондратенко Полина, 2024

ВМЕСТО ПРОЛОГА

С веселительными литрами
отправляемся за дом
жить глагольными палитрами,
речетворческим трудом.
Чем нарисовать могли бы вы
лень, люпины, облака?
Пусть вишнёвым и малиновым
грянет колокол-бокал,
чтобы стеночки затенькали
через войлочную тишь!
Буду думать над оттенками
для всего, что разглядишь.
Но не выдумаю краску я,
чтоб изобразить могли б
виноходь зигзагообразную,
головокружение лип.

Фарфоровый больной

* * *

Летоатлетика проста:
бега с пломбиром по мостам,
метанье косточек от вишен
(не прорастают сквозь асфальт).
Дыханье исполняет сальто
в пыльном облаке подвисяшем
(не дожидаемся дождя,
бежим, на шаг переходя).
Сыграй нам марш (на чём придётся),
дыши, гармония, дыши,
души меха и клавиши
раздай — авось не разорвётся.

* * *

В комнате опять храпят.
Мысли у меня до пят:
вьются выцветшей волной,
льются, словно чёс льняной.
В мокрой подворотне глаз
перебит который час
о бессонницу мою,
о бессовестную.
В незнакомом городке
я у Бога на руке,
на щеке — ложбинок след,
на чужбине столько лет
я на шаг ноги дышу,
я на шаг вперёд пишу —
добрый, но небодрый раб —
то, что слышно через храп.

* * *

Фарфоровый больной, походкой хрупкой
сбегаю в свет (меня не наказуй)
и поутру шуршу шифонной юбкой —
собачникам дубинушка в глазу.
Эй, ухнем! Эй, воспрянувшая, ухнем!
Пока янтарки кислый фейерверк
в прикрытых окнах подъязычной кухни
не дотрещал, не стоял, не померк.
А вечер прогорел, и в горле горько,
поддать сумели хмели сумерек,
и тело трудогое легонько
сбегает к свету, чтоб не умереть.

* * *

Зачем я ем вторую пахлаву?
И третью ем зачем, балда такая?
Четвёртую хватаю... наяву (?)
в зубном загоне пятую катаю (!?)
Сегодня междустрочье только смерть
вынашивало — душное кажденье! —
ползла строка, не выходило верить
в куренье сакуры, друзей рожденья.
Но пахлава уму даёт уют.
Открыт (так просто!) холодильный ларчик.
Я перед ним стою
(зачёркнуто)
жую
(зачёркнуто)
живу —
и не могу иначе.

* * *

Я — побитый тигр.
Терпеливо,
от раза к разу,
уговариваю себя прыгнуть
через горящее кольцо,
а перед этим уговариваю себя
подождать, пока кольцо зажгут.
Но дрессировщик погиб
смертью храбрых:
говорят, выгорел.
А директора гораздо
просить собратъ ещё
справок для костра —
без них спичка не чиркнет.
Съешь ещё этих мягких
мультифор, мультифор
да выпей правок.
А у меня в черепной коробке
последняя спичка терпения
стучит, стучит.
Чешется, чешется,
но нечего жечь,
спичка внутри,
серо снаружи,
а у меня

лапки.

* * *

День кончается, а я ещё не начался,
я закончился как будто наперёд,
но никак в календаре не обозначился —
знать, рассчитывал, что время разберёт,
а оно календари вести забросило —
дальнозоркость, строчки скачут на бегу,
понадеялось, решило: «я до осени,
до поры глухой тебя приберегу»,
ну а осень — тугоухая молчаливица
вместо «до» взяла да выслушала «для»,
и теперь — печаль растёт, а день кончается —
прибрала меня, не сберегла меня.

* * *

Гирляндистой искрой
от глаз голодных скрой
игристое с икрой,
икристое с игрой
на струнах. Гастрострой,
обжорный громоглас,
отборный диссонанс
не грянет в этот раз
в нас.

* * *

Всё равно: метаться, не метаться —
выбирай одно, а хочешь, так иди.
У людей к тебе одна прохлада —
ласковый медлительный бандит.
Но и ты — кувшинный лягушонок —
так хорош, что плох, что просто вон из рук.
Мужичков лягал, слежал их жёнок,
а когда пора метать икру
наступила, то тебя пропёрло.
Что ж ты, глупый, плачешься, ну что ж ты
пла...
Через терракотовое горло
вряд ли докричишься до тепла.

* * *

закатанное солнце
несохнувший зонт
хляби календарные
дежурные печали
желание перечитать
Избирательное сродство
«Не могу видеть, когда
при мне роняют что-нибудь»
закрывать глаза
принимать на борт
новые ноши
лишь бы не лежали
навигация наугад
держали бы только
спасательные круги
взглядов, которыми
не обменялись
вопрос доверия

Ответ:

* * *

Никто из нас не дочитал листа
и бабочкой-премудрицей не стал,
летающей на дальнем свете.

Запутавшись в сиреновой ночи,
на соловьиный посвист — чьи вы, чьи? —
привратничий что нам ответить?

Что сами не свои, что нам не рад
летейский сад за лучшей из оград,
что нам — круги на месте,

что наша повесть победила нас,
что GPS ослепнет и ГЛОНАСС —
и пропадём без вести.

* * *

Листок кленовый, липовая клятва
сорвутся, обречённо полетят.
И не хотят лететь, но вот октябрь,
вот нервный срыв, всё прочее понятно.
Простим. Нехороши, красны по уши,
мы сами — полосатки на траве:
летали и упали обе-две,
подбитые бока обрежь — да скушай,
до сердцевины нас перемели.
Мы добрались до стынувшей земли,
достали до корней, вкусили тли
и звуки уловили,
не смогли,
однако, их впитать в себя и внять им,
понять, что там, где музыка звонка, —
предательство крепчающих объятий,
несказанности, снятой с языка.

* * *

Третья ночь бьёт часы, но всё ту же картину
крутят в сонном твоём синема.
Повториться боишься, не хочешь идти, но
по экрану бежит синева,
и ты знаешь: барахтаясь в бархате кресел,
ты утонешь в кино и заце→
←пишь интригу, и снова досмотришь до песен,
до улыбки знакомой в конце,
чтобы снова включить ускорение пульса,
хоть развязка известна давно, —

и на титрах в привычном пространстве проснуться,
где не крутят такое кино.

* * *

А что наш сквер? Не наш и не был нашим.
Привиделось, блеснуло, разошлось.
Проходят кроны шумом карандашным
блокноты облаков насквозь.

Возможно, по ту сторону эскиза
полупрозрачный полуоборот
друг к другу разглядим. Беда, что снизу
мой глаз уже не разберёт

ни облаков, ни контуров за ними.
Есть только сквер, оркестр духоты,
мигрени пятилистные цветы,
а нас здесь нет и не было в помине.

* * *

+30, Питер, очередь в Электросбыт,
и мне в ней далеко до пионера,
а боевой настрой упал под ноги — сбит,
задет слезами кондиционера,
который — холодок! — который — молоток! —
не просто ветер гонит, а хреначит, —
чтоб страждущим достался воздуха глоток, —
и климат контролирует, и плачет.
А я не контролирую ничто. Совсем
ничто — всё вон из рук скользит тцетами.
И плачу редко. Разве что когда бассейн
внутри переполняется счетами.

* * *

Извлечение
влечения.

Излечение.

*Оттиском
успела стать*

* * *

С городского потолка
сыплется побелка.
Смотришь в даль: ай, глубока!
А доходишь — мелко.
То ли дело в копоты
(белой, что забавно),
то ли в том, что по пути
ты подрос, собака,
выпал из корзин, картин —
в зимнем небе зябко —
и бредёшь себе один,
позабыт хозяйкой.

*

* *

* * *

* *

*

корпускулярная теория
несдержанной
смешинки
опускающейся
на опавшую г/хрусть
октября
14-е число
Покров
время первого смеха
в культурном пространстве
русских полевых испытаний

* * *

Льются талые сны,
плачет снег-перестарок
на сутулость усталых,
на билет до Москвы —
присмотрись хорошо:
номер нечет, ряд нижний.
Позвоночника книжный
Положи корешок
и обложкой накрой
сердцевину, и спи, но,
миру выставив спину,
помни: там, за тобой,
не смыкая очей,
смотрит острое зренье —
неотступное Время,
верный твой Книгочей.

* * *

Перелистанные вывески,
ветром сторбленный народ.
Алкоголики на Киевском
приближают новый год,
чтоб заполнилось стерильное
запустение внутри,
чтоб включилось светосильное
заводное попурри,
но оно мигает издали
с нескрываемой ленцой.
На морозе клеммы выстыли,
от воды горит лицо,
и уже со слёз не слезем мы —
вырос снег, хоть не окреп, —
злой, незванный и болезненный
в облетевшем октябре.

* * *

Дно оконного колодца
стелет проводов лоза.
Пыль вагонная набьётся
в недоспавшие глаза.
Станешь, физику ругая,
кулаком глаза тереть,
только оптика другая
вместо старой будет впредь.
В оркестровой яме взгляда
грянет музыка частиц,
будут, как «Полёт шмеля», на
матрице глазной частить,
и во пнях-конях, болотом
крепко взятых под уздцы,
прочитаешь мимоходом
заболоцкие столбцы.

* * *

Хандра не связана с суставами:
звукopodobие — обман,
а ты опять клюёшь на схожее
дрожанье протовещества
в струе воздушной и нестарыми
ногами ходишь по домам
враждующих вещей. На страже их
стоят законы ремесла
(легионеры с лексиконами,
колтунной пыльной бородой)
и от ворот тебе показывают
привычным жестом поворот.
А ты спускаешься (легко на вид)
по шахте с мысленной рудой,
кирка «хандру» и «хондро» стёсывает
и связывает в оборот.

* * *

— Неповоротливость не скроется —
я в каждом перегоне нов.
Тону, трусливый метростроевец,
в пучине не своих штанов.
Запутался по самы лямочки
и в плесень между рельсов сел,
способен выдать только: «мамочки!»
и больше ничего совсем
из жизненно необходимого,
хотя был сыскан, избран, зван.
Приду пред очи Бригадировы —
неотработавший болван.
Змеятся и смеются провода —
коснись — и сразу выходи.
Но провода рукой не троганы.

— Повремени-ка, погоди,
не ландыш, да, но не наладандыш:
пройдут спинные холодки,
ты распрямишься и наладишь нам
реле, контроллеры, лотки...
и впереди узришь свечение.
Не круглой фары зарево
горит — твоё предназначение.
Тебе воздастся за него.

* * *

Любление телесного покоя
прошло по воле внешних обстоятельств.
Я сплю теперь на шаг ноги и стоя,
к троллейбусным железкам прислоняясь.
Не возвращаясь в явь, переключая
то те, то эти (то не те) наречья —
и семьдесят по семь на дню прощаю
учебный долг, беспечность человечью,
чтоб после на мосту обледенелом
стоять и зябнуть в несезонных чунях,
сквозь веки замечать: немеет с мелом
в руке Нева, экзамены почуяв, —

и просыпаться, дрогнув трафаретом
(вокруг пурга, и контуры нечётки),
перед своим отчётом и ответом —
а за душой ни знаний, ни зачётки.

* * *

Учителя не так тебя учили.
Ум заходил за робкий разум,
когда ты дни переключал, на чилле
за жизнь не побывав ни разу.
Жалел, конечно, ельником пунктира
обштопывая выед молий,
о том, что в кучерявой шубке мира
едва ли выйдешь на покое
в поля глотать озон до передоза.
И вместо правила простоя
услышишь голос (что за голос? что за?..):
«Овчинка выделки не стоит».
Горюй теперь, несолоно корпевший
над штопанным и домотканым,
покуда взгляд невысохший и пеший
в забвенье, в забытье не канул,
пока летит расплывчатых проулков
пелёнчатая невесомость
и в голове отыгрывает гулко
не-
пробивная
не-
способность.

* * *

Под ложечкой — стремление к центону.
Что наша жизнь? Теснение цитат,
замес перетекстованного теста,
в итоге — вот такие пироги
ем с тем, что день грядущий мне готовит,
и, чтобы укротить свой аппетит,
смотрю светланой в мёртвое молчанье,
в зеркальное молчанье говорю —
и вижу в нём (растресканном, конечно)
двоение, биение вещей
и — вечное — магриттовский затылок.

Зрачки увидеть — значит умереть.

* * *

Вылупилась бабочка лопаток:
кривовато правое крыло —
виновата липкая поклажа,
книжная, приставшая однажды
к жилкам, — до сих пор не отлегло.
Не летит над городом покатым.

Вымоталась. Да не в том же дело,
что устала, сверзилась с листа,
на котором буковкой висела.
Дело в том, что оттиском успела
стать — и не приобрела родства
с небумажным небом, Божьим телом.

* * *

Деревянный причал укрепляю ребром. На
первый взгляд, импровиз — это миф.
Что по струнам ресничным бегут перебором
серебристые рыбицы ив,
разгляжу я едва ли. Сквозь кожу и тяжесть,
многослойной дремоты поталь,
на придонную рябь восприятия ляжет
ля-минор, пять восьмых. Слепота
оглушит. И нигде не найдётся лекарства —
наливаются чувства свинцом.
Покидая на цыпочках сонное царство,
над своим замираю лицом.

* * *

Память нажмёт пробел —
буквы не сложит в имя.
Девушка пьёт пуэр —
вместо вина, впервые.
Шу или шен. Торшер
оком следит мертвелым:
женщина пьёт пуэр —
ехало всё, болело.
Плачет ночная дверь.
Павич. Над томом — тени.
Бабушка пьёт пуэр —
опыт перерождений.
Выбор одной из вер,
в ночь на седьмое — вайи.
Девочка пьёт пуэр —

и прозревает.

*Район стучащих
деревянных бусин*

* * *

Древний ветер, детства ветер
вспомнит ти-ри-ри
на
разнотравянистой флейте.
Душу растрави —
и на розовом-травлёном
вдруг проступит дом,
чтоб заброшенным зелёным
зарасти потом.
Встанешь на краю колодца-
прежнего гнезда —
всматривайся (в горле бьётся
сердце) — не беда,
что подсоленной водичкой
горизонт залит.
Кто под яблоней, под дичкой,
у плетня стоит?
Ты! Ребёнок и старушка —
всем один помин:
луговая погремушка —
вызревший люпин.

* * *

Хожу в сосновый бор грибную слушать фугу.
Её многоголосую дуду,
потомственный грибник, я узнаю по звуку
и, слух развесив в воздухе, иду

туда, где тише трасса, ниже травяные
поклоны перед мастером игры
на небывалых трубах. Как он правит ими?
Невидимые клавиши хитры,

а звук хитёр вдвойне, и городской захожий,
присевший на промокший бурелом,
замрёт, ссутулив спину под походной ношей
а сам не разберёт ни ноты в том,

что тянется наверх, сплетается, не тая,
в растроганном, заплаканном лесу.
А то — полифония — чистая, литая.
Ты тоже видишь гения внизу?

Орган под шляпкой заливается всё реже,
идёт на пианиссимо в конце.
Как только ножичком с крестом я перережу
дыхание — закончится концерт.

* * *

Не светает. Дали давит
ожерелье фонарей.
Сонный купол пробивает
древовидная мигрень —
кверху тянется помалу
спазматический лесок.
Дай-ка, доктор, Андипалу —
исколол лесок висок.
Но семейный врачеватель
стал добычей пандемий:
сделался подобен вате,
разлетелся — всё, аминь.
Продолжай, глазами хлопай,
соблюдая полиритм:
семь холмов вмещает лоб твой —
внутренний четвёртый Рим.
И на каждом лобном месте
смешанный мигренний лес,
где в случайном перекрестье
ветви с ветром виден Крест.

* * *

Позднюю осень
возят и возят
дни-колесницы.
Ночью не спится —
сыплют ресницы
иней в глазницы.
Глаз, хоть и вытерт,
смотрит — не видит.

Заволокло нам
зрение клёном,
а за резными
рухнут дубы и
жёлтые, злые
иглы гнилые —
лиственниц иглы.
Голые игры.

Чёрен и чёток
лес.
Только чёток
стук.
Костный, хрупкий,
весь в белой крупке.
Молятся руки,
ломаются звуки.
Чешутся дёсны.

Режутся вёсны.

ПСАЛОМ 42

Похоже, разъединены.
Вооружённое бессилье.
Натянут лук моей спины —
ответ на всё, что б ни спросили.
Кручу нутро в холодный жгут
(как будто повод мне неведом!).
О, «вскую сетуя хожду»
расхлёстанным, неверным бегом,
подальше от себя, в район
стучащих деревянных бусин?
Бросаю взгляд поверх краёв
своей природы... Как не трусить,
держаться за чтение дня,
идти Тебе навстречу так,
как будто падают, звеня,
шаги мои не мимо такта
и вырастают острова
среди осенних половодий,
и под ногой моей — трава
Твоих заоблачных угодий?

* * *

Попытка жить наотмашь, перестать
дрожать от страха потерять опору,
свечение аптечного креста
перемешать с зелёным светофора.
Движение по грифу мостовых,
неловкое скольжение позиций
(к ладам привык, к ладоням не привык —
о, сколько со свободой рук возиться?).
Из музыки — рождение зимы,
мурашки в кость, а ты играй, не падай,
надейся: будут ноты спасены
ферматой.

* * *

Внешняя стабильность,
внутренняя дисгармония.

Сознаюсь: никогда раньше
я не была наедине с собой.
Я давно ускользнула от себя
сквозь жёлто-красное редение крон,
я была далеко, считай что мёртвой.
Новые веяния, холодные ветры
возвращают меня к себе.
Или же нет. Кто бы знал?
Это копание в мыслях (долгое, скорбное)
в конечном счёте сведёт с ума.
Время, ожесточённо загнанного зверя
прижимают к стенке (там тикает!).

Неисписанная бумага.
Неподвижность взгляда.

* * *

Решающий год наступит где как —
в твоём городке о надрыве
не скажет ничто. Не услышит река
молчания на безрыбье,
и груши нальются, хоть силачу-
ветру они — игрушки,
и вырастут башни на месте лачуг,
гаражи и заброшки разрушив.
Но ты — только ты — взлохмачен и мал,
в глазах дикорослая зелень,
почувствуешь гул, предчувствуешь шквал
последних землетрясений.
По брошенным фильтрам, по кушерам
шатнёшься — рубашка настежь —
как будто бы что-то

потерял,

а что потерял —

не знаешь.

*Природные
простые шестерни*

* * *

У рачков
нет зрачков,
ведь зрачки
для дурачков.
Кто зрачками в корень зрит,
тот ночами скверно спит
и взбирается на гору,
и с горы в миры свистит.
Так свистит в миры с горы,
что кончаются миры.

* * *

Ляпнутый, что опечатка,
знак не даётся уму.
Чешется левая пятка —
не понимаю, к чему.
Может, сезонных фруктинок
цитрус, оранжевый чёс?
Может, солёный ботинок
пятку обидел до слёз?
Может, и пятка — не пятка? —
ломится в голову дичь.
Может, пришла разрядка
голой ногою ходить
там, где ни тропки, ни следа —
колкая белая взвесь?
Выпав до срока, до снега,
запечатлеешься весь,
ляпнутый, что опечатка,
выдашь, что делал, что знал.

Чешется левая пятка.

Это сигнал.

* * *

Шёл — а теперь стоишь и слышишь шёпот
с подветренной как будто стороны.
Но слов не разобрать — обронены
комком бумажным из одежд бесповных.

Наклонишься, чтоб подобрать, расправить,
застать проговорённое врасплох,
но на поклон ответит только мох,
и на тебя глаза свои уставят

белёдые болотные цветочки —
природные простые шестерни.
В конец всего поставлены они
не ради точности, но ради точки.

* * *

Расколется земная твердь,
повсюду волчий вой,
захочешь молча умереть,
не зная ничего,
не приближаясь к занятым
в зелёных мятежах.
Захочешь умереть слепым,
от музыки сбежав,
от симфонических глубин,
валькирьевых высот,
захочешь умереть глухим,

но жаль, не повезёт.

* * *

От тюрьмы и от сумы
до войны и до судьбы
тянутся у нас умы,
тянем жилу смерть и мы,
и от этой волочбы
металлические швы
меж заплат земной коры,
что коррозией больны,
ропщут, ропщут
и скрежещут,
обещают больше трещин.
Пой, Земеля, рвись и пой
под
бронированной стопой!
Будет больше душ увечных,
больше щепок человеческих
в кровожадной мировой
жаркой топке огневой!
Будет сверху над травой
не туман ползти, но вой
планетарного угара:
«Кочегара! Кочегара!»

* * *

«Жизнь это чих», —
говоря я
и закрываю глаза,
оправдываясь естеством.
Всё потому,
что не решаюсь
признаться себе, что
жизнь это чых-
то судебных, чых-
то судов
столкновение
Твоих — ох! —
судов,
моих — эх! —
судеб.
Полундра!
Свистать всех
наверх!
Житейское море
волнуется
раз —
лязг
металла
о металл.
Я закрываю глаза,
потому что боюсь.

Но и сквозь веки
несу
в задрожавший зрачок
скрещение
неисповедимых
путей.

* * *

Заранее не бойся, будь готов
сыграть неустоимого паяца,
в одном из городов таких родов*
невесело и нервно рассмеяться,
пропасть, найтись и снова потеряться.

*Каких родов? Не женских, не мужских,
на Среднем в мокром сумраке красивом
ты не смотри, что линии узки —
в них впишешься размашистым курсивом,
от немоги бегущим через силу.

Запомнишься хотя бы сам себе,
своим глазам, на время возвращённым
из режиссёрской, где тебя Всеве-
душий писал не росчерком отчётным —
гвоздём программы, серебром на чёрном.

* * *

Невидалей будто не видели,
бегством не стирали подошв.
Разные бывают погибели,
от своей навряд ли уйдёшь.

Так, в тумане детских считалочек
(месяц с перочинным в кустах)
оставляй царапины палочек
за случайно найденный страх —

и во тьму — по самое яблоко,
и в толпу — по самый висок,
рано, перелётная, в облака,
облаков порядок высок.

И, снимая с яблока кожицу,
не переруби червяка.
Он, с тобой знакомясь, кукожится
и тебя не тронет. Пока.

* * *

Когда я вырос, выпал в ночь
меж прежним злом и новым,
мне первым делом было — мочь,
держаться — первым словом,

хоть сам не первый был из тех,
кто сделался железным,
срываясь на предельный бег
по полосе из лезвий.

Их кромка не брала меня
и шаг мой не кроила,
но языком другого дня
(где ни огня нет, ни меня),
со мною говорила.

И я расслышал кое-что,
что не сказать словами,
что сыплется сквозь решето
небес над головами.

Когда прогорклый громкий смог
то расцветал, то вянул,
я подписал Тебе письмо:
Твой стойкий-оловянный.

Истории не изменить,
пускай встряхнёт, зацепит...
Я стал звеном, что не звенит,
но сдерживает цепи.

* * *

Тонкий лирик, каторжник келейный,
семечко в распаханной весне!
Майским ливнем, снегом колыбельным
заметёт тебя —
и не заметит, нет,
ни один из пристальных и хищных
земледельцев — профилей в толпе —
твой побег, отрыв от корневища,
стебель песни, песни недопе...

* * *

Боюсь, что лязгнет шпингалет,
неосторожной речи ливень
ударит в грудь, оставит след
внутри — и стану молчаливей,
и предпожарный уголёк
задышит в пережатых рёбрах,
и вспомню всех, кто в землю лёг.
В гортани — дёр, во взгляде — вёдра.

* * *

Не жалею, но вот завять бы мне,
как сквозняк завять, на свечу
сентября, но в зобу забытие,
как жемчужину, я ращу.
И свеча горит (вой же, дуй же, ну!),
дней зарёванный стеарин.
Мне отдать бы всё за жемчужину
незабытия, за помин
по всему, что давно разрушено,
по тому, кто дышал и шёл
через крошево, через кружево,
через стёжку, смертельный шов,
оступился — уже не выйти, нет,
и не выдернуть — пропадай!
Заплетается нить в за-бытие —
жемчуг-соль, горловая дань.
Не вития, из тела вытяну,
из надрывов его лепных,
неоправданные наития,
ясновидение слепых.

* * *

*«И, по причине умножения беззакония,
во многих охладает любовь» (Мф.24:12).*

Запутанный прискорбный опус
о скудости тепла.
Синоптики уходят в отпуск,
передают дела
сокурснику — коллеге Ване,
а он возьмёт потом,
перелистает свод Евангелий —
другой откроет том...
Перепугается погода:
передадут дожди
(от наступающего года
Невы высокой жди),
займётся плюс остервенелый,
сыграют на трубе.
Сход поступи обледенелой
к суду,
к судьбе,
к себе.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Везде разбросаешь
свои бескровные крестражи —
и нигде не станешь своим,
будешь бесперебойно
разбирать себя по частям,
не разберёшься в себе
и забудёшь,
раздражаясь от ожидания
на зебрах без светофора,
от собеседников,
их быстрой речи,
сиротства своего голоса —
речевой портрет
на фоне случайной стены,
неизвестный художник,
наше время.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо пролога	3
----------------------	---

I. ФАРФОРОВЫЙ БОЛЬНОЙ

Летоатлетика проста	6
В комнате опять храпят	7
Фарфоровый больной, походкой хрупкой	8
Зачем я ем вторую пахлаву?	9
Я — побитый тигр	10
День кончается, а я ещё не начался	11
Гирляндистой искрой	12
Всё равно: метаться, не метаться	13
закатанное солнце	14
Никто из нас не дочитал листа	15
Листок кленовый, липовая клятва	16
Третья ночь бьёт часы, но всё ту же картину	17
А что наш сквер? Не наш и не был нашим	18
+30, Питер, очередь в Электросбыт	19
Извлечение влечения	20

II. ОТТИСКОМ УСПЕЛА СТАТЬ

С городского потолка	22
корпускулярная теория	23
Льются талые сны	24
Перелистанные вывески	25
Дно оконного колодца	26
Хандра не связана с суставами	27
Неповоротливость не скроется	28
Любление телесного покоя	29
Учителя не так тебя учили	30
Под ложечкой — стремление к центону	31
Вылупилась бабочка лопаток	32
Деревянный причал укрепляю ребром	33
Память нажмёт пробел	34

III. РАЙОН СТУЧАЩИХ ДЕРЕВЯННЫХ БУСИН

Древний ветер, детства ветер	36
Хожу в сосновый бор грибную слушать фугу	37
Не светает. Дали давит	38
Позднюю осень	39
Псалом 42	40
Попытка жить наотмашь, перестать	41
Внешняя стабильность	42
Решающий год наступит где как	43

IV. ПРИРОДНЫЕ ПРОСТЫЕ ШЕСТЕРНИ

У рачков	46
Ляпнутый, что опечатка	47
Шёл — а теперь стоишь и слышишь шёпот	48
Расколется земная твердь	49
От тюрьмы и от сумы	50
Жизнь это чих	51
Заранее не бойся, будь готов	52
Невидалей будто не видели	53
Когда я вырос, выпал в ночь	54
Тонкий лирик, каторжник келейный	55
Боюсь, что лязгнет шпингалет	56
Не жалею, но вот завывать бы мне	57
Запутанный прискорбный опус	58
Вместо эпилога.....	59

ДЕСЯТАЯ МУЗА

ИЗДАНИЕ КНИГ ПОД КЛЮЧ

Отсканируйте штрихкод
и присоединяйтесь к нашим
аккаунтам в Telegram и Вконтакте!

Уже 9 лет в нашей **официальной группе во ВКонтакте** мы публикуем информацию о проектах, закулисье издательской деятельности, ведем литературный календарь, шутим, собираем для вас тематические подборки книг и экранизаций, проводим опросы и путешествуем в #волшебный_мир_книжных.

В **телеграм-канале** издательства мы говорим о состоянии книжного рынка, делимся секретами писательского мастерства, рассказываем о литературных премиях и расшифровываем термины, а еще проводим марафоны и розыгрыши. Темы новых полезных постов выбирают сами участники канала.

У нас авторы не только
издают книги, но еще и знают,
что с ними потом делать.

Литературно-художественное издание

Полина Кондратенко

Неизвестный художник, наше время

Вёрстка: *Кристина Смирнова*

Обложка: *Кристина Смирнова*

Сборник печатается в авторской редакции

Иллюстрация на обложке: Полина Кондратенко

Знак информационной продукции

Подписано в печать 27.02.2024

Формат 60x84/16 Усл. печ. л. 9,07

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 50 экз. Заказ №1/0802-24

ООО «Издательство Десятая Муза»
410056, г. Саратов, Астраханская, 88.
129323, г. Москва, Лазоревый проезд, 8.
8-927-91-909-91

e-mail: izd-muza@yandex.ru

www.desyataya-muza.ru